

ТЕАТР, В КОТОРОМ УМИРАЮТ ГОЛОСА

Недавняя запись. — 1993. — 6 февр. с. 1

Цикл концертов «Жемчужные голоса Большого»

Вадим Журавлев

ВЕЩАЮЩИЕ

ДРЕВНИЕ были убеждены, что жемчужины возникают из капель росы или дождя. Поэты, как всегда, обращались к чувствам. «Жемчужины, что долго почивали, — то слезы, что наяды проливали», — писал Вальтер Скотт, а Шекспир вторил ему: «И светлые слезы, что ты обронила, вернутся, жемчужинами обратись». На Руси всегда питали особую страсть к «перлам» и любили украшать ими все подряд — от обуви до икон. Вот и менеджер Татьяна Гудкова назвала цикл концертов, которые она проводила в Малом зале консерватории, не «золотыми», а «жемчужными голосами».

Открыл цикл концерт Людмилы Нам. Когда певица только появилась в Большом, страстные поклонники бельканто облегченно вздохнули: «Теперь и у нас есть rossinievское меццо-сопрано. Будет кому петь и «Золушку», и «Семирамиду». Нам спела Розину. Один раз. Удачно выступила в партии Корнелии («Оливер Цезарь» Генделя), записала «Норму» Беллини с Марией Виешу. Но в основном все эти годы практиковалась в роли Дуниши из «Царской невесты», достигла особых высот в исполнении всевозможных вторых, пятых и десятых баб. «Масштабной» работой певицы стала Няня в последней постановке «Евгения Онегина». Репертуар, прямо скажем, не для колоратурного меццо. Что делать? Театр не может ставить спектакли в расчете на каждого артиста разросшейся труппы. Здесь могли бы помочь солидные концерты, но для этого необходимо еще желание певцов и их трудолюбие. Качества, которые полностью исчезают у «сотрудников» Большого.

Но вернемся к концерту. Разномастная его программа являла все области локального чародейства: блестящие оперные арии, сентиментальные народные песни, задушевные камерные романсы. О, эти романсы русских композиторов! Далеко не всякому артисту

дано вскрыть их раковину и достать из глубины авторского замысла «жемчужины» локализации. Как легко спутать настоящее со стеклянными шариками, покрытыми перламутром безукосницы, салонности, цыганщины. (Что, кстати, и произошло недавно с одним новомодным баритоном, сводящим с ума многих меломанов.) Кроме надтрепанных нот, Людмиле Нам в этот вечер удалось извлечь из свет божий горох, песок — все что угодно, только не жемчуг. А может, он был проглочен рыбами, плавающими по подолушкарного платья певицы?

Ударив крупнокалиберным голосом по божественным флоритам Каччини и Моцарта, певица вспомнила коронный rossinievский репертуар, исполнив рондо Анжелины-Золушки. Но «пропущено не воротить»: голос потерял былую подвижность, совсем исчез средний регистр, а жуткие ферматы верхних нот напоминали... Чего они только не напоминали! Действительно, жемчуг связан со слезами. До слез обидно за певицу, растерявшую по душкам и няням свой редкий голос.

Недавно в телевизионной передаче Александр Лазарев пожаловался, что его трагит с тех пор, как он занял место главного дирижера Большого театра. Обинаясь все эти годы от критиков, Александр Николаевич и не заметил, как теряет театр одну за другой свои основные составляющие: голоса, режиссеров, зрителей. Теперь под его колоннами можно истретить лишь дородных мужичков с политилаеновыми мешками, наполненными всевозможной валютой.

В начале прошлого века у одного из московских монахов — старца Зосимы — хранилась одна из самых крупных и красивых жемчужин — «Пеллегринна». После его смерти драгоценность исчезла из России, а несколько лет назад объявилась в Америке. Большой театр все больше напоминает потерянную «жемчужину Зосимы» отечественной культуры.

Но я забыл о другом концерте цикла. Его героиня — Ирина Удалова — появилась в театре относительно недавно, проработав несколько лет на провинциальной

сцене. Ей повезло больше, чем Нам, она сразу попала в число ведущих солисток, спев Войскалану в «Младце» Римского-Корсакова, Иоанну в «Орлеанской девице» и Лизу в «Пиковой даме» Чайковского. Но певица всегда производила впечатление великой труженицы, способной на большее: ведь крепкое драматическое сопрано — такая же редкость, как и rossinievское меццо. Концерт убедил меня в обратном из-за полной самоудовлетворенности Удаловой, ее нежелания петь ничего, кроме дежурного репертуара Большого. Певица даже не удосужилась как следует выучить программу первого и единственного сольного концерта, а книжка с текстами арий в руках никак не способствовала глубокому прочтению исполняемых произведений. Всего за пять сезонов в Большом Удалова потеряла свежесть и искренность фразировки, способность флиртовать звуком, разделяя тонкие дидактические оттенки, зато приобрела богатый опыт поверхностного и бездумного исполнения арий (романсы лучше и не упоминать). И, конечно, гремевшее форте, столь милое слуху многих зрителей Большого.

Через несколько дней цикл «Жемчужные голоса» завершился концертом молодого баритона Бориса Стаценко, хорошо известного любителям оперы и по выступлениям в Камерном музыкальном театре, и по последнему конкурсу имени Чайковского, где он получил вторую премию, заняв о себе как о певце не без таланта. Покинув труппу Покровского ради Большого, он уже понял, я думаю, что попал в театр, где умирают голоса.

Одна из научных теорий считает, что жемчуг — это саркофаг для микроорганизмов. Но сам он не умирает, ведь никогда и не был живым. На 90% жемчуг состоит из карбоната кальция — обыкновенной строительной извести или шпаклевки, которыми замазывают все щели в мавзолее, именуемом Большим театром, дабы не слышать критики. Или поддерживать режим разложения театра.